

Во всей Ленинградской области не найти другого такого места, где так близко и живописно сошлись бы лес, поле и река. Из всех здешних деревень эта – самая красивая, потому-то она и называется – Красницы. Моя покойная бабушка, впрочем, говорила, что деревня эта появилась так: в тысяча пятисотом году сюда свезли всех самых плохих людей, и они построили здесь свое поселение.

За окном в утренней прохладе проплыло похожее на дворец здание Павловского вокзала – желтое, с белыми колоннами, высоким острым шпилем и круглыми часами. Часы показывали восемь двадцать четыре – рано, занятия в школе начинались только в девять. Клонило в сон, но было страшно проехать свою станцию, к тому же еще на Витебском Карина сказала, чтобы в электричке не клевала носом, могут обокрасть. Даша вздохнула и откусила краешек вафельного стаканчика – он показался ей жестким и даже как будто немного подгоревшим. Полная тетечка в жилетке «МПС», накинутой поверх легкого ситцевого платья, сказала, что в Павловске мороженое самое вкусное, и Карина, отложив в сторону книжку в мягкой обложке, вытащила из рюкзака кошелек и внимательно отсчитала рубль пятьдесят. Тетечка ласково улыбнулась и протяну-

ла ей стаканчик, но Карина кивнула на сестру – «это вот этой девочке в шортах, пожалуйста». Даша откусила еще небольшой кусочек и посмотрела на упаковку: написано было «Ленинградский хладокомбинат №1». Ну и никакое оно не особенное, а самое обыкновенное.

– Карина...

Сестра не ответила: то ли не услышала, то ли была слишком увлечена своей книжкой – она читала их тайно от родителей и не давала Даше, но Даша все равно, когда сестра не видела, таскала у нее эти книжки (Карина прятала их в ящик письменного стола, запиравшегося на ключик, который можно было с легкостью заменить обычной скрепкой). Ничего интересного в них не было, но Даша все равно читала из вредности – потому что сестра запрещала, и в голове у нее часто вместо уроков крутились странные имена вроде Антонио, Мигеля, Изабеллы или Аманды. «Вождь Орлиное Перо схватил Аманду за волосы, – читала сейчас сестра, – и прижал ее к стволу огромной секвойи. Она вскрикнула от боли, но воин только скривил в усмешке губы. – Покорись мне! – сказал Орлиное Перо на языке, которого Аманда не понимала, но сила его голоса заставила ее...» Дальше не придумывалось, и Даша уставилась на пробежавшие за окном электрички деревья – сосны, елки и низкорослые заросли ольхи вдоль железнодорожных путей. У Карины тоже имя

* Выходит в сборнике «Эксмо» «Все на дачу».

необычное, во всей школе она одна такая, понятно, почему она так любит читать эти книжки – там все как будто про нее написано. Изредка в лесу появлялись просветы, в которых мелькали то заросшие свежей, как будто очень мягкой на ощупь травой лужайки, то небольшие озерца с черной болотной водой. Наверняка там полно комаров и пиявок.

– Карина... а, Карин...

– Ну, что такое? – Старшая сестра отвернулась от окна и строго посмотрела на младшую.

Для своих пятнадцати она была слишком высокой – самой высокой в классе – и выглядела взрослой. Мальчики в нее часто влюблялись, дарили всякие подарки, дрались на переменах в школьном коридоре, если кому-то вдруг доставалось больше ее внимания, – хотя, по правде, Карина на их ухаживания не особенно-то и отвечала, ей было не до этого – она шла на медаль, готовилась поступать на исторический в университет, а в свободное время читала о каком-нибудь Антонио, Мигеле или храбром вожде Орлино Перо – что ей были школьные ухажеры. За глаза ее называли «наша принцесса»: по мнению Даши, она и правда была похожа на сказочную принцессу с ее красивым строгим лицом и густыми выщипанными волосами – когда на них падал яркий свет, казалось, что на голове у нее полыхает настоящий пожар.

– Ну, что? – повторила Карина. – Мороженое, что ли, не вкусное?

– Да нет, хорошее.

– Тогда не мешай мне читать.

– Да я и не мешаю... я так... – буркнула Даша и снова уставилась в окно. Мороженое таяло у нее в пальцах.

– Карина...

– Что теперь? – Сестра положила раскрытую книгу на колени. – Писать, что ли? Потерпи, еще полчаса ехать.

– Нет, не хочу. – На самом деле, в туалет и вправду немного хотелось, но Даша обижалась, когда сестра вот так ее спрашивала – как маленькую. Между прочим, со следующего года она уже будет учиться в средней школе.

– А как мы там нужный дом найдем, а?

– Адрес же есть. – Карина нахмурилась. – Светлоголубой дом с белыми наличниками, перед домом большой тополь, за бетонным мостом первая дорожка направо.

– А-а... и мы прямо сами будем там жить? Все лето?

– Что ты пристала? Как дом найдем, как жить будем... как-нибудь справимся.

– Да я так просто... ну не злись, Карин...

Сестра раздраженно фыркнула, взяла с колен книжку и зашуршала страницами. В электричке становилось жарко, и Даша огляделась, ища, куда можно сунуть таявшее мороженое – доедать его не хотелось. В щель между стеной и деревянным сиденьем были напиханы туго свернутые бумажки – обрывки газет, фантики, обертки от мороженого, одиноко торчала палочка от эскимо. Даша бросила косой взгляд на сестру и, осторожно завернув свое мороженое в бумажную обертку, запихала его в щель: стаканчик смялся, густая липкая масса выступила из-под обертки, измазала стену и закапала на пол под сиденье. Испугавшись, что сестра увидит, Даша торопливо пропихнула его подальше, придвинулась ближе к окну и украдкой облизала испачканные мороженым пальцы. Электричка остановилась: снаружи был деревянный, похожий не на дворец, а на обыкновенный деревенский дом вокзал поселка Семрино. В дверном проеме, прислонившись к косяку, стоял мужчина в форменной одежде рабочего станции и, дымя папиросом, равнодушно смотрел на прибывший поезд, от которого по дороге в поселок тянулась вереница дачников. Электричка дернулась и снова застучала колесами. «Сколько же еще ехать, – Даша прижалась лбом к стеклу, – и зачем на эту дачу... почему в городе нельзя было остаться... мультики бы посмотрели...» Она вздохнула и, отвернувшись от окна, попыталась забраться на сиденье с ногами – она любила так сидеть, подтянув колени под подбородок и обхватив их руками; когда они с Кариной были младше, то часто играли так – кто быстрее запрыгнет на кровать, свернется калачиком и крикнет «Я в домике!».

– Не ерзай, – одернула сестра. – Еще всего три станции, потерпи немного.

Дом они действительно нашли сразу, даже спрашивать ни у кого не пришлось: от станции до него было идти минут двадцать по пылившей от каждого шага грунтовой дороге, из которой здесь и там торчали крупные камни и куски кирпичей: Даша пару раз больно ушибла о них носок, но жаловаться сестре не стала – та бы завела в ответ вечное мамино про то, что на Дашу новых туфель не напасешься.

– Ну, вот и пришли! – Не опуская больших сумок с вещами и продуктами на первое время, Карина толкнула плечом калитку – незапертая калитка со скрипом открылась, и они оказались в небольшом дворе, где было намного прохладнее, чем по пути от станции.

Даша зашла во двор вслед за сестрой, поставила в траву свои сумки, прикрыла калитку и огля-

делась. Опрятный одноэтажный дом был выкрашен свежей светло-голубой краской и блестел чисто вымытыми окнами, в которых виднелись белые кружевные занавески. Возле крыльца над пышными кустами спиреи гудели большущие шмели. Старый тополь с потрескавшейся от времени корой шелестел над их головами листьями, и в воздухе пахло клейкими тополиными почками, травой и чем-то еще – так, по мнению Даши, должен был пахнуть горячий песок на пляже и река, которая была от дома в двух шагах: можно было выбежать на крыльцо, сбежать вниз по ступеням, потом через двор, по краю тянувшегося вдоль берега луга – и сразу же бултыхнуться в воду. Даша представила, как они сегодня же, разобрав вещи, пойдут на речку, и подумала, что, может быть, это все-таки лучше, чем смотреть дома мультфильмы – все равно они с Кариной вечно не могли договориться, какую поставить видеокассету.

– Лето! – выдохнула Даша, запрокинув голову. – А мама как, часто будет к нам приезжать?

– По выходным только, может, и не каждые... – Карина, поднявшись на крыльцо, встала на цыпочки и нашарила спрятанный за притолокой ключ. – У мамы работы много, думаешь, легко ей быть в институте главным инженером?

– Ничего я такого не думаю, – тут же обиделась Даша.

– Вот и хорошо. – Карина повернула ключ в замке. – Магазин тут рядом, только мост перейти, колодец у соседнего дома, за электричество до конца лета заплачено. Давай сумки свои занеси и иди уже писать, туалет за домом.

– На улице, что ли? – удивилась Даша.

Сестра не ответила, только встряхнула волосы и щелкнула выключателем, хотя в прихожей и так было светло благодаря лившемуся в окна солнечному свету. Даша постояла еще немного, потом повернулась и сбежала вниз по ступеням, нарочно громко топая и представляя, как скоро она бултыхнется в речку. Трава приятно щекотала голые ноги, хотелось раскинуть в стороны руки и что-нибудь громко прокричать, но она боялась, что сестра услышит и рассердится.

Раньше они никогда не проводили лето за городом: у родителей не было денег, чтобы снимать дачу, да и оставить Карину и Дашу было не на кого. В этом году мама стала главным инженером (как выражался папа, «маме дали главного инженера»), и родители, полушепотом посоветовавшись несколько вечеров на кухне, решили отправить сестер в де-

ревню в области. Мама долго сопротивлялась, настаивая на том, что Карина еще ребенок – ну и что, что рано вытянулась, на самом-то деле школьница еще, девятиклассница, а вдруг что плохое случится, – но папа настаивал на том, что «девушкам» нужен свежий воздух, нечего им целых три месяца киснуть в городе перед телевизором, пусть живут немного самостоятельной жизнью, что здесь такого сложного – летом в деревенском доме, Каринка у нас сознательная, поумнее своей матери в ее-то возрасте, глупостей не наделает, к тому же обе отлично плавают, так что в речке не утонут, а ты, мать, можешь к ним ездить по выходным и привозить из города черешню, если так беспокоишься. Мама, подумав еще пару дней, согласилась и нашла через знакомых опрятный и недорогой дом в деревне, в двух шагах от речки, на низком берегу с песчаным пляжем, полем и видневшимся вдалеке лесом.

Даша осторожно потянула за веревку, заменявшую деревянному сарайчику дверную ручку, и заглянула внутрь. Сарайчик, видимо, в отличие от дома, не успели покрасить и прибрать: внутри было сумрачно, темнели неструганые доски стен, в углу под потолком большой паук-крестовик все заплел паутиной, в которой дрожали от слабого ветерка сухие шкурки мух, – еще несколько мух зудели внизу, в самой яме, откуда поднимался удушливый кислый запах.

– Фу-у! – громко сказала Даша и захлопнула дверь.

Она оглянулась на дом: Карина сейчас разбирает вещи или тренируется включать на кухне газовую плиту.

– Ка-ри-на! Ка-ри-и-ин! – крикнула Даша и прислушалась. Сестра не отвечала – то ли не слышала, то ли опять на что-то сердилась. – Ну и ладно! Ничего же, если я погуляю совсем немного? Ка-ри-на! – еще раз попробовала она. – Я скоро вер-ну-усь! Слышишь ты меня-а-а, Ка-ри-ина?!

Не дождавшись ответа, она привычным движением поправила сбившийся хвост, перехваченный широкой резинкой, и вприпрыжку побежала к калитке.

Возле бетонного моста берег полого спускался к реке, образуя пятачок песчаного пляжа. Прямо под мостом была сложена из крупных камней запруда: вода перекатывалась через нее и завивалась маленькими водоворотами. Даша подумала, что здорово было бы, наверное, перейти по этим камням на другую сторону, не снимая сандалий. У самой кромки берег был усыпан мелким речным мусором: потемневшими кусочками камыша, веточками, па-

лочками, осколками речных ракушек. По обе стороны от пляжа раскачивался высокий тростник, сухо шелестевший от малейшего дуновения ветра, а чуть подальше, за мостом, виднелись кусты, низко склонившиеся над водой. Даша решила, что до этих кустов не пойдет, все равно вокруг не было ни души, а из окон домов на том берегу ее было не увидеть, поэтому раздвинула руками стебли тростника, сделала пару шагов вглубь его зеленых зарослей, расстегнула молнию и присела. В горячем летнем воздухе тонко пищали комары.

– Э-эй, а я твою жопу вижу! – слышался откуда-то высокий девчоночий голос, срывавшийся от усилия перекричать плеск реки.

Даша почувствовала, что ее лицо заливается краской, и вцепилась пальцами в пояс шортов.

– Жопу вижу! Жопу вижу! Чья-то жопа торчит из кустов! – нараспев надрывался голос.

Даша зажмурилась, про себя прося теплую струйку поскорее закончиться, чтобы она могла наконец встать и одеться. Колени ее дрожали от напряжения.

– Люди! Люди! Люди добрые! – продолжала орать противная девчонка. – Отвернитесь, я сейчас пи-и-исать буду!

Не дожидаясь, пока на землю упадут последние капли, Даша вскочила на ноги и развернулась, одновременно натягивая трусы и шорты.

– А теперь я твою письку вижу! – прокричала стоявшая на противоположном берегу белобрысая девчонка с узким худеньким личиком, на вид то ли Дашина ровесница, то ли чуть ее постарше. – Тебя как зовут-то, а?!

– Даша! – крикнула в ответ Даша, закусив губу, чтобы не расплакаться при девчонке от обиды. – А тебя?

– Так я тебе и сказала, дура я тебе, что ли?! – Девчонка присела, расправила подол слишком длинного ей платья и с каким-то злым любопытством посмотрела на Дашу. – А у тебя че, дома тубзика нету?

– Ну, есть вообще-то...

– А че ты в траву тогда ссать пошла? – допытывалась девчонка. – Раз тубзик есть...

Даша растерянно молчала. Девчонка сорвала росшую поблизости травинку и сунула ее в рот. Даже издали было видно, какое замызганное у нее платье и какие грязные руки, аж до локтей – как будто она долго копалась в земле.

– А если кто-нибудь твою жопу увидит? – Девчонка вынула изо рта травинку и сплюнула на землю, потом не торопясь поднялась на ноги и одернула

свое платье. – Если по-маленькому в траву, это еще не страшно, а если по-большому пойдешь, может клещ укусить: ты пока сидеть будешь, он тебе прямо туда и заползет...

– Какой еще клещ?

– Да ты вообще откуда такая?! – Девчонка сделала удивленные глаза. – Ты че, из дачников, что ли?

– Ну да, мы с сестрой сегодня утром только приехали.

– Городская, что ли? – догадалась та. – Из города, что ли, приехала? Прямо с Витебского вокзала? На электричке?

– Ну... да... – Даша оглянулась на их дом, едва видный за поднимавшимся от реки берегом в высокой траве. Карина, наверное, скоро ее хватится и начнет искать, но хотелось еще поговорить со странной девчонкой. – А ты здесь живешь, да?

– Вот еще! – девчонка задрала голову и провела грязной пятерней по растрепанным волосам. – Я вообще-то сама из Москвы!

– Да ладно! – не поверила Даша.

– Мы на Красной площади живем вообще-то, а здесь просто дачу снимаем!

– Да врешь ты все! – рассердилась Даша. – На Красной площади никто не живет, там и домов-то нет! Худенькое личико незнакомой девчонки мигом стало пунцовым.

– Сама ты все врешь! – прокричала она в ответ. – Жопу тут всем свою показала и врет еще, что из города приехала на электричке! – Она наклонилась, сгребла в руку, сколько смогла ухватить, влажного песка, размахнулась и швырнула в Дашу – коричневый ком пролетел несколько метров над рекой и плюхнулся в воду. – Жо-опа! Врешь ты все-о-о! – завопила девчонка изо всех сил и наклонилась за новой порцией песка.

Даше показалось, что на этот раз она обязательно попадет, а еще хуже – перебежит через бетонный мост, бросится на Дашу с кулаками, как делали на переменах в школе мальчишки, и изваляет в прибрежном песке и иле, и тогда Карина точно изругает ее за испачканную одежду. Даша поджала губы, отвернулась и пошла быстрым шагом к дому, едва сдерживаясь, чтобы не побежать – тогда бы эта деревенская девчонка подумала еще, что Даша ее испугалась.

– А-а-а! Идет Дашка в коротких шортах, жопой на всю деревню сверкает! – несло ей вслед с другого берега. – Из города они, а у самих тубзика нет, в траву ходят! Слышь, Дашка, тебя в жопу укусит клещ, я сама видела, как он в трусы к тебе

залез, когда ты в траве сидела! Э-эй, слышишь ты меня, че я тебе говорю?!

В реку плюхнулся очередной ком грязи.

Даша поняла, что плачет, почувствовав, как по ее щекам стекают крупные слезы. Она попыталась стереть их ладонью, но вместо этого, пару раз всхлипнув, расплакалась еще сильнее и калитку их дома открывала уже на ощупь: перед глазами плыл весь ясный солнечный день, как будто она смотрела на него со дна быстро бегущей, перекатывающейся через большие камни реки.

– Ну, и где ты была? – Карина встретила ее на крыльце, лицо у нее было недовольное. – И почему ты вся зареванная?

– Да я просто... – Даша еще раз всхлипнула, потеряла щеки ладонями и вдруг сказала первое, что пришло ей в голову: – Я просто к реке ходила, и меня там клещ укусил.

– Клещ? Какой еще клещ? – Карина схватила сестру за руку и наклонилась, чтобы внимательно рассмотреть ее лицо и шею. – Если клещ, нужно срочно в город ехать, к врачу! Вдруг он энцефалитный!

– Ну, наверное, не клещ, просто паучок какой-то маленький.

– Паучок?

– Такой, на травинке сидел...

– Ничего не видно. – Старшая сестра сейчас была ужасно похожа на маму, когда та сердилась и беспокоилась одновременно. – Куда он тебя укусил?

– За жопу! – выпалила Даша, и тотчас ее ухо обожгла не слишком сильная, но болезненная оплеуха.

– Тебе сколько раз говорено, чтобы таких слов произносить не смела! Ты что, русского языка не понимаешь?!

Даша промолчала, опустив голову. Спорить со старшей сестрой было бессмысленно – можно было нарваться на еще одну оплеуху, а еще хуже – поссориться, и тогда Карина могла молчать несколько дней, а на все попытки младшей помириться только презрительно фыркать и отворачиваться, встряхивая рыжими волосами.

– Ладно, – смягчилась Карина, – надо в магазин сходить, купить чего-нибудь к ужину, а то у нас сосиски есть, а картошки нет и хлеба тоже.

– А мы разве хлеб из города не взяли?

Карина в ответ только передернула плечами: она уговорила родителей дать ей чуть больше денег, чтобы купить все в сельпо, и взяла с собой вместо хлеба несколько лишних книжек. Это Даша ничего

не читает, даже школьную программу все пытается найти в кратком изложении – что только из нее вырастет, непонятно. Карина нахмурилась и строго посмотрела на сестру.

В маленьком сельском магазине пахло свежим хлебом и как будто всеми продуктами сразу, даже теми, которые, по мнению Карины и Даши, собственных запахов не имели: какими-то крупами, консервами и бог знает чем, а еще табаком и сладкими розовыми духами.

– Может, пряников возьмете? – говоря, улыбая продащица накручивала на палец с длинным красным ногтем тугий локон черных волос. – Есть мятные, весенние и заварные с начинкой. Мятные самые свежие.

– Нет, спасибо, пряников не нужно.

– И правда, пряники только бабкам годятся, в молке их размачивать. Лучше зефира возьмите. Зефир хороший, фабрики «Ударница», есть ванильный и банановый, а шоколадный весь разобрали – я все говорю, чтобы больше шоколадного привозили, его парни девушкам дарить любят.

– Нет, зефира тоже не нужно. Мы его как-нибудь в другой раз возьмем.

– Может, все-таки возьмем, Карин? Бананового зефира, а?

– Нет, – твердо сказала Карина. – Ты сегодня уже мороженое ела, хватит сладкого, зубы испортишь.

– А вы новые дачницы? – поинтересовалась продащица. – Серьезные такие девочки, сразу видно, что городские.

– Да, сегодня утром приехали, на электричке. – сказала Даша.

Карина глянула на нее недовольно: и так же ясно, что на электричке, на чем же еще.

– У нас тут много ребят вашего возраста, не заскучаете. И девочек, и мальчишек.

– Спасибо большое! – Карина, отсчитав деньги, забрала с прилавка старую мамину сумку с длинными ручками, которую они нашли перед самым отъездом на антресолях.

– Наши местные, бывает, задирают городских, но это они не со зла, вы не обижайтесь на них, если пристанут. Они как пристанут, так и отстанут. С мальчишками только осторожнее, есть тут некоторые...

– Ничего, я знаю, как в случае чего ответить. – Карина перекинула сумку через плечо и махнула Даше, рассматривавшей содержимое коробки с чупа-чупсами. – Даш, пойдем уже.

- Продавщица улыбнулась, но ничего не сказала.
- На актрису какую-то похожа, да? – сказала Даша, когда они вышли из магазина. – Красивая такая...
  - Ну, не знаю. – Карина пожалала плечами. Маме бы эта продавщица точно не понравилась. – Вульгарная.
  - Да ладно тебе, ну что ты такая злая?
  - Ничего я не...
  - Эй, городские!

Прямо перед ними стояли две девочки: та, белобрисая, которую Даша встретила у реки, и вторая, постарше, лет двенадцати-тринадцати, очень на нее похожая, – наверное, ее старшая сестра. На старшей тоже было слишком большое ей платье, она встала посреди дороги, перегородив им путь и сунув руки в глубокие топорщившиеся карманы.

- Это вы, что ли, из города сегодня утром приехали? – спросила та, что была постарше.

Лицо ее было все в мелких веснушках, во рту она на манер сигареты держала длинную травинку. Младшая шмыгнула носом и весело и одновременно зло взглянула на Дашу. «Наябедничала», – догадалась Даша.

- Мы с незнакомыми не разговариваем, – твердо ответила Карина и сделала шаг навстречу девочке. – Дайте, пожалуйста, пройти.
- Меня Катя зовут, а это Ленка. – Девочка кивнула на младшую. – Будем знакомы.
- Приятно познакомиться. – Карина сделала еще шаг. – Мы пойдем уже, у нас дел много, некогда с вами разговаривать.

Катя выплюнула травинку на дорогу и отступила назад, снова встав у них на пути.

- Пойдете, когда я разрешу, понятно тебе, дылда рыжая? Твоя вот подруга, – она вынула руку из кармана и ткнула пальцем в Дашу, – мою сестру вчера обидела.

Карина, поджав губы, строго посмотрела на Дашу.

- Да ни в чем я не виновата. – Даше снова захотелось расплакаться. – Она первая начала!

- Да че ты врешь-то?!
- Так, все, пойдем отсюда. – Карина отвернулась от деревенских девочек, вздернула подбородок и, потянув Дашу за рукав футболки, решительно зашагала в сторону их дома.

- Куда это вы намылились, городские?! – крикнула им в спину Катя. – Мы не договорили еще!

Даша было замедлила шаг, но Карина на нее шикнула: «Не отвечай им ничего, сами отвяжутся!» – и вдруг испуганно взвизгнула и схватилась за голову, едва не уронив с плеча сумку. В тот же момент Даша почувствовала, как что-то мягко ударило

ее в затылок, и тоже схватилась за голову, – в волосах запуталось что-то колючее. Через секунду прилетел еще один снаряд и прицепился повыше, почти к самой макушке, еще один упал им под ноги.

- А-а-а! – орала Ленка. – Получите! Так их, Катя!
- Прекратите немедленно! – Карина обернулась, и тут же очередной ком репьев ударился ей в щеку.

- Будьешь знать, как мою сестру обижать, рыжая королева! – Катя вытащила из кармана еще один зловонный ком и точным движением запустила его в Карину. Ком повис на Карининых волосах.

Сестры бросились бежать, спотыкаясь о камни. Времени было уже около полудня, солнце жгло в полную силу, и дорога, по обе стороны которой тянулись заросли желтой акации, была пустынна: местные сидели по домам, а дачники отправились купаться на речку. Все вокруг как будто дышало летним отдыхом и сонным спокойствием, и странно было, что они безгуг сломя головы с тяжелой сумкой, а вслед им один за другим летят колючие комья репьев.

- Мамочки! – выдохнула Даша. По ее лицу стекали соленые струйки пота, сердце колотилось как бешеное, дыхание сбивалось. – Карина... Карин... я больше не могу...
- Давай, немного осталось! – Карина попыталась схватить Дашу за руку, но из-за того, что сестра сильно отставала, у нее не получилось. – Вот ведь козы мелкие! Давай, Даш, вон же наш дом уже!

Деревенские отстали от них только у бетонного моста: то ли устали, то ли у них закончились снаряды. Остановившись, они покричали им вслед еще что-то обидное, но, когда Даша обернулась, их уже не было видно.

Дома, поев привезенных из города сосисок с пюре (картошку Карина недоварила, поэтому пришлось долго разминать ее гнувшей от малейшего усилия вилкой, и все равно пюре получилось с комочками), они до самого вечера вычесывали друг у друга репьи. С прямыми Дашиными волосами было проще, да и репьев деревенские накидали ей меньше, хотя Даша всякий раз вскрикивала, когда сестра случайно дергала отдельные волосинки, а в Карининых густых кудрях колючие бомбошки так запутались, что некоторые пришлось выстригать ножницами. Карина молчала, сжав губы, а когда они вытащили последний репей, взяла свою книжку, уселась возле окна и зажгла настольную лампу. К лампе тут же откуда-то из углов комнаты слетелись крошечные мошки и пара молочно-белых мотыльков.

- Карина... – осторожно позвала Даша. – А, Карина...
- Ну, что? – Сестра даже не подняла голову от книжки.

Наверное, вождь Орлиное Перо тащил сейчас Аманду на веревке сквозь лесную чашу или через горный перевал, она плакала и умоляла его идти помедленнее, но воин только кривил в усмешке губы. Аманда шла за ним, спотыкаясь о камни и корни деревьев, и чувствовала себя очень несчастной, не подозревая, что в сердце вождя индейцев уже зажглась искра нового для него чувства. Даша вздохнула.

- Может, на улицу пойдем, погуляем, а? Тепло же...
- Не хочу, – буркнула Карина.

Даша помолчала. Наверное, и вправду было бы лучше остаться в городе, она бы сейчас согласилась на любую из Карининых любимых видеокассет, хоть бы даже на «Унесенных ветром» с Вивьен Ли и Кларком Гейблом. Хорошенькое получилось у них начало летних каникул, а впереди еще целых три месяца: что если Карина так и будет читать с утра до вечера свои книжки и дуться – она, наверное, думает, что это Даша во всем виновата, а если ей рассказать, она ни за что не поверит, что это все эта Ленка начала ни с того ни с сего обзывать и швыряться песком, а потом взяла и наврала про Дашу своей старшей сестре. Между прочим, ее старшая сразу ей поверила – небось, все репы вдоль дороги оборвала со злости.

- Карина... Карин, слушай, я не виновата вообще, это та девочка ко мне первая пристала...
- Мне вообще все равно, кто там из вас первый начал. – Карина перелистнула страницу.

Даша закусила губу.

- Ну правда, Карина...
- Если тебе делать нечего, почисти зубы и ложись спать.

Даша подождала еще немного, но сестра больше ничего не говорила. На улице хлопнула соседская калитка, пару раз гавкнула и замолчала собака. Даша нехотя слезла со стула, пошла на кухню, почистила там, морщась от холодной воды, под умывальником зубы, вернулась в комнату и, переодевшись в пижаму, забралась в кровать – пружинный матрас скрипел от каждого движения, и она, боясь побеспокоить сестру, замерла, лежа на спине, натянула тонкое одеяло до подбородка и закрыла глаза. В полумраке комнаты было слышно, как Карина тихо перелистывает страницу за страницей, все дальше уходя вслед за индейцами в дикие американские леса, и пара мотыльков бьются мягкими крыльшками о плафон настольной лампы. Где-то да-

леко промчалась, стуча колесами по рельсам, позвня электричка, и Даша спокойно уснула после всех переживаний прошедшего дня.

Они не успели причесаться и позавтракать бутербродами с сыром и нарезанными вместо колбасы сосисками, как во входную дверь постучали.

- Кто там?! – Карина, дожевывая бутерброд, выглянула из кухни в прихожую.
- Да мы это! – ответил из-за двери знакомый девчоночий голос.
- Это же те, деревенские! – сжалась на своем стуле Даша. – Карин, не открывай им!
- Да откройте, городские, не бойтесь, мы репьями кидаться не будем! – сказала Катя, как будто услышав ее. – У нас к вам разговор есть!
- Не открывай, Карин! Они врут все! – Даша вышла в прихожую вслед за сестрой.

Но Карина уже сняла дверную цепочку и шелкнула ручкой замка. На крыльце действительно стояли вчерашние девчонки, только одеты они были не в платья, а в шорты из старых обрезанных джинсов и растянутые футболки. Растрепанные вчера волосы у обеих были заплетены в тонкие косички.

- Мы это... – начала старшая и, вдруг запнувшись, хмуро насупилась.
- Вы всегда людям сначала репы в волосы кидаете, а потом к ним в гости приходите?
- Ну, извините. – Катя пожалала плечами. – Бывает... так мы ж в вас не камнями!
- А че, долго их потом из голов-то вычесывали? – поинтересовалась младшая.
- Некоторые вообще выстригать пришлось, – сказала Даша.
- Ого! – младшая присвистнула. – А...
- У нас к вам дело. – перебила ее старшая. – Мы сегодня с Антошкой Босым и его компанией в индейцев и ковбоев играем, нам людей не хватает.
- А мы тут при чем?
- Да ладно, не дуйтесь, на обиженных воду возят, че вы вообще! – Ленка ковырнула ногтем краску на перилах крыльца. – Вы ж хорошо бегаете – с вами, может, у Босого и его ковбоев выиграем, а то наших девок они за пять минут поймают, как тогда, помнишь, Кать?
- Карина оглянулась на Дашу:
- Хочешь с ними в индейцев и ковбоев?

Даше, по правде, совсем не хотелось, но если отказать, сестра, может быть, вообще ничего больше не станет предлагать, и они просидят весь день дома.

- Я не знаю... – неуверенно протянула Даша.
- Не хочешь?
- Да нет, хочу, конечно...
- Ну, что? – Катя нетерпеливо переступила с пятки на носок. – Нам еще клады прятать, пока они нас ловить не начали.
- Ладно, поиграем с вами в ваших индейцев, – согласилась Карина, всем своим видом показывая, что делает это только ради младшей сестры, хотя на секунду, наверное, все-таки представила себя Аmandой, которую Босой Орлиное Перо захватил в плен и тащит на веревке через кусты ольхи.

Первый клад решили прятать в зарослях топи-намбура за пожаркой – полуразрушенным домом на высоком берегу реки: Катя рассказала городским, что пожарка несколько лет стояла заброшенной после того, как умерли хозяева, а позапрошлым летом Босой с компанией ее подожгли – у, какой был пожарище, в Семрино, говорят, было видно, только горело недолго – ливанул дождь, и пожарка так и осталась стоять, правда, внутрь заходить опасно – пол может провалиться. Вокруг росло несколько кустов смородины, видимо, оставшихся от огорода, бóльшую часть которого захватил топи-намбур – теперь он только собирался цвести, но уже вымахал выше человеческого роста и покачивал на тянувшем от реки ветерке листьями в ладонь величиной и округлыми бутонами, из которых выглядывали подсолнечно-желтые лепестки.

- Здесь ни за что не найдут! – Девочка одного возраста с Кариной, но ниже ростом и совсем не такая красивая, присела рядом с Катей, делавшей клад.

Кроме нее, Карины и Даши, за индейцев играла еще одна девочка из дачниц, уже много лет приезжавшая в деревню к своей тетке, и ее подруга из Семрина – робкая, нескладная, всюду покорно следовавшая за ней и соглашавшаяся с каждым ее словом. У всех на головы были повязаны цветные ленточки с пришитыми к ним петушиными перьями – чтобы понятно было, что они индейцы; у Карины и Кати перья были самые длинные и яркие – из петушиного хвоста.

- Я же говорила, хорошее место, – сказала городская, – сюда они не сообразят полезть.

Ее семринская подруга кивнула и утвердительно хмыкнула.

Катя пожала плечами:

- А они и не полезут, они тебя поймают и выпытают.
- Вот и не выпытают!

- Это как же – выпытают? – Даша почувствовала, что у нее в животе стало как-то неудобно, как перед контрольной по математике.

- Ну-у... как... – пояснила Ленка. – Крапивой там по голым ногам. Или лицо тебе навозом коровьим вымажут. Или в речку загонят тебя у берега, где пивок полно...

- Не будут они в речку больше, – перебила Катя, – они ее (она дернула головой в сторону Карининой ровесницы) в прошлый раз загнали, так ее бабка пришла к бате Босого ругаться и грозилась заявить в милицию за то, что ее пивки покусали. – Присев на корточки, она выдрала на небольшом круглом участке траву, разровняла землю ладонями и сделала по центру аккуратное углубление.

- А вы правда из Москвы или ты это просто так вчера сказала? – спросила Даша у Ленки.

- Ну-у... – неопределенно протянула Ленка.

- Опять, что ли? Подожди, Босого только обыграем, я тебе покажу твоей Москву! – Катя положила в углубление сначала немного травы, потом нарванного на опушке леса светлого-зеленого мха и наискось – веточку черники с крохотными листочками. Карина протянула ей сорванную у станции розу, она оторвала от розы три лепестка и тоже аккуратно уложила на мох.

- Ага... так...

Карина наклонилась и поправила один из лепестков, Катя посмотрела на нее недовольно, но говорить ничего не стала.

- Гвоздику давайте.

Пурпурную в белую крапинку гвоздику они сорвали на огороде у городской девочки, пока ее тетка развешивала во дворе белье: Ленка упрасивала взять пион, и ей насилу втолковали, что, во-первых, пион в клад не годится, потому что лепестки у него слишком большие, а во-вторых, тетка пропажу пиона обязательно заметит, и назавтра им будет за это нагоняй. Ленка нехотя согласилась и, пока никто не видел, вытащила из грядки пяток еще совсем тощих слабеньких морковок и тут же сгрызла их, едва обтерев от земли о подол футболки.

Катя воткнула в мох несколько цветочков гвоздики.

- Еще бы чего сюда...

Даша, все это время крутившая в руках сорванный просто так бутон топи-намбура, положила его на расчищенную землю. Катя взяла бутон, вылушила из него желтые лепестки, расправила их и разложила вокруг цветочков гвоздики, потом накрыла все выпуклым бутылочным стеклышком и с силой прижала.

- Готово!
- Красиво! – Карина наклонилась над «кладом» и дотронулась пальцем до стекла. – Где ты так научилась?
- В школе, где еще учатся. – Катя вытерла руки о траву. – Давай, надо его еще прикрыть как-то, чтобы совсем незаметно было, остальные два сделаем возле моста и под платформой со стороны садоводств. Потом все разделимся и спрячемся так, чтобы они нас до вечера не поймали, в семь все снова здесь собираемся.
- Поодиночке, что ли? – переспросила Даша. – А мы не заблудимся?
- Ну что ты как маленькая! – тут же рассердилась Карина. – Мы же далеко уходить не будем, вся деревня-то – четыре улицы...
- Короче, если кого поймут – про клады говорим, что один на футбольном поле, другой у магазина и третий у бабки Степанихи за тубзиком.
- Так ведь по правилам нельзя во дворах прятать...
- А ниче, пусть они к бабке Степанихе влезут, – хихикнула Ленка, – она их если засекет, проклянет, че, пусть потом чешутся или в тубзик бегают... она ж колдунья!
- Колдунья?
- Ну, она батю нашего как в девяностом прокляла, так он с тех пор и пьет, не просыхая. – Катя сплюнула на землю. – Мать говорила, у нас лампочка над крыльцом тогда перегорела, а новой не было, вот он и полез к бабке Степанихе еёную выкручивать, а она в тубзик пошла, увидела, как батя лампочку у нее выкручивает, и прокляла его.
- Да ваш батя и так всегда пил, это вся деревня знает!
- Вот че ты знаешь, че ты знаешь, тебе в девяностом сколько было?
- Мне тетя моя рассказывала, она тут всю жизнь живет и батю вашего знает как облупленного!
- Под платформой-то как будем прятать? Может, лучше у большой канавы? Где тритоны, а?
- У канавы видно будет, тебе че, трудно под платформу залезть? Штаны свои модные бережешь?

Они шли друг за другом по тропинке вдоль реки, задами огородов, чтобы Босой и его компания раньше времени их не отловили. Даша плелась в хвосте, думая о том, что она будет делать, если мальчишки станут бить ее по ногам крапивой, мазать лицо навозом или загонят в реку к пиявкам, – Карина-то, если что, убежит от них, а Дашу они запросто поймут. Ну и ладно, лучше она просто скажет им, где они спрятали клады, и они ее отпустят – кому нуж-

на эта их дурацкая игра... Даша схватилась за травинку, росшую у обочины, но подвернулась крапива, – от неожиданности она отдернула руку, и на глаза снова навернулись слезы от обиды на сестру, на деревенских девочек и на летние каникулы с их индейцами и ковбоями.

За станцией, где начинались садоводства, река поворачивала прочь от деревни, а высокий берег, густо заросший кустами, поднимался обрывом из красной глины, так что никто не ходил туда купаться. Мальчишки поймали Дашу довольно скоро, когда она, устав слоняться по сходящимся к центральной дороге улочкам и стянув с головы ленту с петушиными перьями, вернулась к пожарке и села на согретую солнцем траву, чтобы дождаться вечера. В траве ползали и перелетали с листа на лист маленькие блестящие синенькие и зелененькие жучки. Было хорошо.

– Ну что, попалась? – Антошка Босой оказался невысоким, на голову ниже Карины худощавым рыжим мальчишкой с конопатым лицом. – Скажешь, где клад спрятали, или пытать тебя будем?

Остальные, бывшие с ним, улыбались и рассматривали Дашу с любопытством.

– Крапивы боишься?

– Ничего я не боюсь. – Даша сжала в пальцах свою индейскую ленточку. – У бабки Степанихи за тубзиком твой клад.

– Ага, как же... – ухмыльнулся Босой. – Ври больше.

– Ничего я тебе не скажу, – упрямо повторила Даша.

Неразговорчивый толстый мальчик, которому Босой поручил пленницу, пытать ее не стал – может быть, пожалел, может быть, сам боялся крапивы, и вместо этого повел за станцию к высокому берегу из красной глины: они спустились по узенькой, почти отвесной тропинке к реке, потом долго шли по самой кромке воды, – мальчик шел позади, придерживая Дашу за локоть, а когда она оступилась, сказал только:

– Не боись, тут мелко.

Вскоре они дошли до углубления в глине, где как раз могла поместиться девочка вроде Даши, он легонько подтолкнул ее в спину и сказал ползайте туда.

– А ты меня сторожить будешь? – спросила Даша.

– Пойду я, – коротко ответил мальчик. – Дела у меня. Мама сказала макарон купить и сахару, а магаз скоро закроется.

«Вот тебе и вождь Орлиное Перо», – тоскливо подумала Даша.

- А я как же?
- Ну придут они за тобой вечером. Я скажу им. – Он подумал немного. – Ты только это... сама сбежать не пытайся. В воду еще свалишься.
- Ты же сказал, тут мелко.
- Да какой мелко! Глыбы тут, омут, вон! – Он неопределенно махнул рукой в сторону реки. – Тут, видишь, как высоко, а там низко. Омут, значит.
- Омут, – испуганно повторила Даша и, скорчившись в своем углублении, подтянула колени под подбородок и обхватила их руками.
- Да ты не бойсь... они придут за тобой скоро, играть-то еще час-полтора. А я пойду, звиняй.

Даша всхлипнула. В темноте ничего не было видно, только вода в реке слабо поблескивала, и на ясном летнем небе мигали крошечные глазки звезд. Было холодно, руки и ноги затекли от сидения в неподвижности, но ее тюремная камера была такой маленькой, что в ней было толком не повернуться: даже встать во весь рост, не стукнувшись головой о «потолок», с которого свисали всякие корешки и паутинки, у Даши бы не получилось. У самых носков ее сандалий тихо плескала вода. Этот мальчишка небось забыл сказать про нее остальным, а девочки в жизни не догадаются, где она сидит, – они же вообще договаривались, что не заходят на сторону садоводств и прятаться можно только от бетонного моста до поля на одной стороне реки. И Карина ее теперь точно уьбет.

- Карина... – жалобно проскулила Даша, еще крепче обхватив колени заочченевшими руками, как будто это могло защитить ее от холода. – Карин... ну где же ты...

Даше вспомнилось, как вчера они ехали в электричке и сестра купила ей мороженое, а она его не доела и запихнула в щель между стеной и сиденьем, и проплывавшее за окном здание Павловского вокзала, и мама, наверное, приедет в субботу или в воскресенье и привезет из города черешню, которую они будут делить по одной ягодке, чтобы точно получилось по-честному.

- Карина! – изо всех сил закричала Даша. – Ка-ри-на! Ка-ри-и-ин! Я zde-есь! Ка-ри-ина, где-е ты-ы?!
– Да-аша! Дашенька, ты здесь?! – неожиданно откуда-то издалека, совсем-совсем тихо ответил голос старшей сестры. – Дашенька, подожди немного, мы сейчас к тебе спустимся!

Даша подскочила, чуть не ударившись головой о потолок, и снова закричала – просто так, от радости. Совсем скоро послышался треск веток – ви-

димо, сестра спускалась к ней по той самой тропинке, ведущей к воде, и голос Ленки:

- Ну, че, я же сказала, они ее в пещеру потащили! Опять, козлы, правила нарушают!
- Это все игра ваша глупая!
- Че сразу глупая, вот че сразу глупая-то? Нормальная игра! Приехали тут такие, самые умные!
- Дашенька, подожди, мы сейчас! – крикнула Карина. – Ты только не бойся!
- Да я и не боюсь, Карин, – тихо, так, чтобы сестра не слышала, сказала Даша и, придерживаясь рукой за глиняную стену, высунулась наружу. Теплый воздух дохнул ей в лицо: завтра они обязательно купят в магазине зефира и пряников и все вместе пойдут на пляж купаться. Из-за поворота не было видно шедших к ней друзей, только широкая блестящая лента реки уходила в ночную темноту и где-то далеко перекатывалась через сложенную из камней заправду.

